

Т.А. Ложкова
Екатеринбург, Россия

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ В ОДЕ А.С. ПУШКИНА «НАПОЛЕОН»

Аннотация: Ода «Наполеон» осмысливается как этапное произведение на пути А.С. Пушкина к реалистическому художественному постижению закономерностей исторического процесса, решению вопроса о роли личности в истории.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Наполеон», ода, романтизм, реализм, личность, история.

T.A. Lozhkova
Yekaterinburg, Russia

PERSONALITY AND HISTORY IN A.S. PUSHKIN'S ODE "NAPOLEON"

Abstract: Ode "Napoleon" is conceptualized as a landmark work of A.S. Pushkin and as a realistic artistic comprehension regularities of the historical process, the question about the role of personality in history.

Keywords: A.S. Pushkin, "Napoleon", ode, romanticism, realism, personality, history.

Значение оды «Наполеон» в творческой эволюции А.С. Пушкина, на наш взгляд, до сих пор не осмыслено в полной мере. В работах, посвященных специальному анализу этого стихотворения, как правило, отмечается его смысловая противоречивость [Реизов 1970: 51-60; Томашевский 1956: 62-66; Стенник 1975: 109; Стенник 1995: 149-152 и др], которая объясняется неоднозначностью отношения поэта к Наполеону в начале 1820-х гг. Так, по мнению О.С. Муравьевой, в пушкинской оде «однозначно отрицательная оценка исторической роли и деяний Наполеона сочетается с романтически восторженной его характеристикой» [Муравьева 1991: 11]. Исследовательница полагает, что в стихотворении, с одной стороны, выражается «безусловно отрицательная оценка всех деяний Наполеона и безусловное же удовлетворение в связи с его поражением», а с другой стороны – Пушкин восхищается «яркостью и необычностью судьбы, блеском дарований, дерзостью и отвагой самоутверждения» [Муравьева 1991: 11-12]. По мнению О.С. Муравьевой, примирить между собой эти противоречия, определить позицию, позволяющую найти разгадку личности Наполеона, Пушкин в этом стихотворении не сумел, а потому она заранее отрицательно относится к попыткам гармонической интерпретации этого внутренне противоречивого и неудачного стихотворения [Муравьева 1991: 12-13]. Такая категоричность вызывает у нас сомнения. Думается, прежде всего, следует внести ясность в ряд моментов. Во-первых, уместно напомнить, что противоречивые чувства по отношению к Наполеону в стихотворении испытывает не Пушкин, но его лирический герой – носитель переживания и субъект поэтического высказывания. Во-вторых, вряд ли можно согласиться с утверждением, что цель стихотворения состоит в определении своеобразия и исторической уникальности величия и исключительности Наполеона [Муравьева 1991: 11]. У лирики, как известно, иные задачи. А потому мы попытаемся проанализировать оду «Наполеон» именно как лирическое стихотворение, призванное художественно выразить эмоциональное состояние субъекта высказывания.

Художественная структура «Наполеона», на наш взгляд, ярко обнаруживает кризисный характер внутренней ситуации, переживаемой ее автором. Она заметно драматизирована – вниманию читателя предлагается «ода на кончину», форма, знакомая по традиции философской лирики XVIII века («На смерть князя Мещерского» Г.Р. Державина и пр.). В основе лирического сюжета такой формы обычно лежит некое мучительное внутреннее противоречие, ликвидация которого возможна лишь при условии постижения лирическим субъектом некоей высшей истины. Одический восторг, таким образом, оказывается выражением эмоциональной реакции на момент такого постижения, разрешающего все сомнения и снимающего душевное смятение.

Динамика лирического сюжета в оде «Наполеон» определяется перипетиями внутреннего конфликта, остро переживаемого лирическим героем:

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн!
Великолепная могила...
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила
И луч бессмертия горит¹ (213).

Внешне драматичность лирической ситуации выражается в столкновении двух потоков образных ассоциаций. Первый поток организован привычными читателю поэтическими формулами – знаками

¹ Цит по: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.: Л.: АН СССР, – 1937-1959. Т. 2, кн. 1. Стихотворения, 1817-1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. – 1947 с указанием страницы.

романтического восхищения великим героем, избранным личностью, дерзнувшей диктовать свою волю миру («могучий баловень побед», «великий человек», «чудесный жребий»), которые помогают Пушкину не столько напомнить о реальном Наполеоне, сколько воссоздать субъективное представление о нем, образ, сложившийся в сознании современников в пору его высшей славы. Этот образно-ассоциативный поток вступает в противоречие с печальным концом фантастической судьбы, лирически оформленным образами угасания, заката, мрака («угас», «закатился», «исчез»). Оба потока неожиданно скрещиваются в оксюмороне «властитель осужденный», обнаруживающем всю болезненность внутренней реакции лирического героя на сообщение о смерти бывшего императора. Лирический герой озадачен непостижимой противоречивостью фигуры Наполеона, которая не снимается даже смертью, не может четко сформулировать собственное отношение к нему и смущен неопределенностью своих чувств. Даже исчезнув из человеческого мира, Наполеон оставляет после себя весьма неоднозначный след. С одной стороны, с его именем навечно связаны «кровавая память», «народов ненависть» – знак того, что в общественном мнении Наполеон является главным виновником пережитых Европой неисчислимых страданий и бед. С другой стороны, что-то мешает лирическому герою безоговорочно присоединиться к общему мнению, и его невольное восхищение умершим прорывается в откровенно оценочных высказываниях («луч бессмертия»), торжественных, величавых интонациях первых строф. Второй оксюморон («великолепная могила») и следующая за ним многозначительная пауза помогают окончательно обозначить исходную внутреннюю ситуацию: лирический герой не может ни самозабвенно воспевать, ни безоговорочно осудить Наполеона. Таким образом, внутренняя ситуация, определяющая логику лирического сюжета, может быть определена как состояние мучительных раздумий и колебаний, поиска объективной истины, не зависящей от личных пристрастий и предпочтений, от диктата привычных штампов и устоявшихся заблуждений.

Стремясь определиться в своем эмоциональном отношении к личности Наполеона, лирический герой воскрешает в памяти его образ:

Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упали
При громах силы роковой?
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державный
Ты на земные племена.
Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади народной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный –
Свободы яркий день вставал,-

Тогда в волненье бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел (213-214).

В сущности, в данном фрагменте читателю предлагается настоящая квинтэссенция, исчерпывающе полное поэтическое воплощение романтической идеи избранной личности, рвущейся управлять миром. Пушкин нагнетает ряд мощных гиперболических образов, создавая грандиозный образ души, стремящейся утолить жажду власти «до упоенья». Но именно в момент повествования о высшем торжестве Наполеона в образной ткани стихотворения снова появляются оксюморонные конструкции:

В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой...
И Франция, добыча славы,
Пленный устремил взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор (214).

Пушкинские образные формулировки отличаются особой смысловой насыщенностью и многозначностью, они скрывают в себе своеобразную парадоксальность. Так, властелин мира неожиданно оказывается «пленен самовластьем», следовательно, не свободен не только в своих деяниях, но даже в своих чувствах и помыслах. В стихотворение входит мотив иллюзорности достигнутой Наполеоном полноты романтического самоутверждения. Поставив рядом с емкой и хорошо знакомой читателю словесной формулой «самовластье» эпитет «разочарованной», Пушкин еще более усиливает ощущение неистинности блистательной картины торжества Наполеона, несоответствия того, что думает о себе сам герой, как воспринимают его современники, тому, что происходит на самом деле. Думается, что в своем стихотворении Пушкин в какой-то степени предвосхищает замечательную мысль Л.Н. Толстого о Наполеоне-актере, старательно игравшем роль **кажущегося** управления историей («Война и мир»). Пушкинскому Наполеону тоже только казалось, что ему дан дар предвидения грядущего («чудного удела»). На самом деле он ошибался и не сумел верно осмыслить происходящее:

Надменный! Кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал (215).

Через сменяющихся друг друга обращений и вопрошений, тягостная пауза в конце строфы снова выдает мучительность внутренней ситуации, переживаемой лирическим героем. Возмущенные интонации – знак лихорадочной работы мысли, итогом которой становится настоящее открытие: мечта На-

полеона оказалась не соответствующей действительности, воля «избранной личности» – не всемогущей, претензии на роль пророка не оправдались, все «великие свершения» – лишь плоды «обуянного ума», ослепившего Наполеона. Результаты всей его деятельности оказались совсем не теми, которых он ожидал и к которым стремился, поскольку он действовал не по своей воле, но был **подвигнут** кем-то или чем-то более сильным.

В итоге драма Наполеона вывела потрясенного лирического героя на новый уровень восприятия бытия. Он напряженно всматривается во внезапно открывшийся его внутреннему взору объективный мир и ясно обнаруживает в нем то, чего ранее не замечал – неоднозначность и сложность исторического процесса, взаимосвязь и взаимообусловленность исторических событий, подчиняющихся объективным, не зависящим от субъективной воли законам. Именно поэтому в стихотворение вторгается точная правда конкретного факта. Организация художественного мира в «Наполеоне» подчинена объективной исторической логике. Аустерлиц и Тильзит не только предшествовали пожару Москвы, но и подготовили его, и их нельзя отделить друг от друга или перемешать в произвольном порядке. Событийный ряд лирического сюжета оды (факты, которые воскрешает в своей памяти лирический герой) выстраивается в строгой хронологической последовательности: каждое новое явление подготовлено предшествующими. А потому и воспоминания о Наполеоне оказываются неразрывно связанными с образом Великой французской революции, родным детищем которой является генерал Бонапарт, будущий император. В итоге лирический герой обнаруживает новую историческую силу: «длань народной Немезиды» единым махом сметает все, чем так дорожил романтический герой-индивидуалист – трон, славу, власть. В критический момент возмездия с Наполеона слетают театральные одеяния, и перед читателем вдруг предстает просто растерянный человек, судорожно хватающийся за жалкую жестянку, лишь казавшуюся символом всемогущества:

Оцепенелыми руками
Схватив **железный свой венец**,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец (215).

Таким образом, душевные переживания лирического героя оказываются эмоциональной реакцией на объективные обстоятельства, открывшиеся его взгляду. Это уже не романтическое мироощущение. В то же время нельзя не заметить, что оно сугубо индивидуально. В финальных строфах оды мы снова сталкиваемся с антитезой двух образных потоков. Первый оказывается связанным с общепринятым представлением о Наполеоне:

И все, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:

И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран! (215-216).

Итак, современники по-прежнему склонны к романтической персонификации социального зла, видят его источник в личности «тирана» и проклинают Наполеона как главного виновника обрушившихся на них бед и страданий. Но лирический герой мыслит иначе. Для него Наполеон, его личность, его деятельность – лишь одно из проявлений объективной исторической реальности, порождение исторических обстоятельств. Там, где современники видят условно-романтический образ свергнутого «самовластного злодея», лирический герой обнаруживает страдающего человека, который, пройдя через череду испытаний, оказался способным к концу жизни осознать ложность всех прежних идеалов и открыл для себя единственно истинную, подлинную ценность – любовь к сыну:

...устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В унынье горьком думал он (216).

Так лирический герой снимает с Наполеона лавры вершителя истории. Но тем самым и упреки в его адрес, «проклятия» племен оказываются несправедливыми: не Наполеон виноват в том, как разворачивались события в Европе на бурном рубеже XVIII-XIX веков. И ему самому, и его современникам только казалось, что ход истории направляется могучей волей избранной личности. Лирический герой ценой мучительных размышлений обретает истину: в истории властвуют объективные силы, воля и деяния любой, даже самой могучей личности, вписываются в общую закономерность. Обретение подлинной личной свободы возможно лишь в процессе общенародного освободительного движения. Вождь, противопоставивший себя народу, либо не учитывающий «народного мнения», обречен на поражение. Такая позиция кладет начало формированию новой концепции мира и человека, которая, в свою очередь, должна повлечь за собой существенные сдвиги в художественной системе. В самом общем виде смысл этих сдвигов можно определить как начало движения к реализму.

Таким образом, на наш взгляд, нуждается в корректировке представление о характере художественной эволюции Пушкина. Принято считать, что реалистические тенденции в его творчестве явно обнаруживают себя в 1823-24 гг. Мы полагаем, что этот процесс начинается несколько раньше, уже в 1821 году, именно тогда, когда, по общему мнению, пушкинский романтизм находится в зените своего развития. Характерно, что новые тенденции вызревают именно в русле романтической системы, не благодаря ее отрицанию, но благодаря ее углублению, стремлению наиболее полно освоить ее возможности. Ода «Наполеон» – красноречивое тому

доказательство. Ведь лирический герой оды, мыслящий уже не романтически, тем не менее, все еще ощущает себя исключительной, избранной личностью, поскольку так, как он, не мыслит в данный момент никто из его современников! Открытие новых истин совершается благодаря особому дару прозревать то, чего, опять же, не видит никто. Тем самым лирическая ситуация, по сути, обретает романтические формы пророчества. В момент озарения лирический герой испытывает восторг, поскольку противоречия в его душе снимаются, его собственное отношение к «великому человеку», наконец, проясняется: развенчав Наполеона-«тирана», он воспекает Наполеона-человека, чья необычная судьба помогла человечеству осознать свою неискоренимую потребность свободы:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал (216).

Но в этом восторге есть и определенная доля восхищения собой, сумевшим подняться на недостижимую для других высоту мысли. Интонация креп-

нет, обретает значительную долю императивности, поскольку лирический герой привычно предписывает окружающим свое неромантическое представление о мире как единственно правильное, то есть, себя самого он все еще понимает романтически. Таким образом, работа над одой «Наполеон» выводит поэта к новой художественной задаче: неромантически осмыслить не только окружающий мир, но и внутреннюю жизнь своего лирического героя, что в перспективе и выведет его к реализму.

ЛИТЕРАТУРА

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 2. Кн. 1. Стихотворения, 1817-1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. 1947. С. 213-216.

Муравьева О.С. Пушкин и Наполеон (пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 5-32.

Реизов Б.Г. Пушкин и Наполеон // Из истории европейских литератур. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. С. 51-66.

Стенник Ю.В. Традиции торжественной оды XVIII в. в лирике Пушкина периода южной ссылки («Наполеон») // XVIII век. – Л.: Наука, 1975. – Сб. 10. С. 109.

Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII в. – СПб.: Наука, 1995.

Томашевский Б.В. Пушкин: в 2 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1.

Данные об авторе:

Татьяна Анатольевна Ложкова – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: lozhkova@eka-net.ru

About the author:

Tatyana Anatolyevna Lozhkova is a Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).